

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 1, Pp. 59–70, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(100)

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-59-70

Декомпозиция религиозных институтов в контексте секуляризации Турецкой Республики: анализ закрытия текке как ключевого элемента государственной трансформации

Избасар Ерланулы Тургунбаев¹, Болат Санабайулы Сайлан²,
Ерлан Мухамеджанович Тургунбаев³

- 1 Казахский национальный университет им. аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)
магистр искусств, старший преподаватель
 0000-0002-1997-7829. E-mail: [izbasar136\[at\]mail.ru](mailto:izbasar136[at]mail.ru)
- 2 Казахский национальный университет им. аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)
доктор исторических наук, профессор
 0000-0003-4432-4616. E-mail: [b_sailan1967\[at\]mail.ru](mailto:b_sailan1967[at]mail.ru)
- 3 Казахский национальный университет им. аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, старший преподаватель
 0009-0000-1448-6273. E-mail: [turgunbaev_63\[at\]mail.ru](mailto:turgunbaev_63[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Тургунбаев И. Е., Сайлан Б. С., Тургунбаев Е. М., 2025

Аннотация. *Введение.* Религиозные учреждения Османской империи текке, начиная с XIX в., препятствовали модернизации религиозной сферы государства, проводимой М. К. Ататюрком. В Стамбуле насчитывалось более 600 текке, что втрое превышало количество медресе. Изначально предназначенные для дервишей и паломников, текке стали центрами политической и социальной жизни, особенно такие, как Султантепе, Бюльбюльдере, Султанахмет и Эйюп, которых поддерживала османская власть. Важную роль они играли и в других регионах, обслуживая тюрко-мусульманских паломников из Центральной Азии. *Цель* статьи — исследовать роль текке в социально-политической структуре Османской империи и их трансформации в условиях становления Турецкой Республики, выявить влияние реформ на религиозные и культурные практики в стране. *Материалы и методы.* Исследование основано на анализе турецких, западных и российских работ. В качестве источников использовались работы М. Оздара, М. Кара, а также труд Р. А. Николсона, посвященные распространению суфизма. Исследование опирается на междисциплинарный подход, включая методы историко-социологического и сравнительного анализа, а также концепции теории секуляризации и культурной трансформации. *Результаты.* Закрытие текке в 1925 г. стало ключевым моментом в переходе к светскому государственному устройству, постулировались радикальные меры по нейтрали-

зации религиозных влияний, которые могли угрожать стабильности нового порядка. Этот шаг был частью более широких усилий по демонтажу традиционных религиозных институтов, которые оставались значимыми как для духовной, так и для политической сферы империи. Однако закрытие текке не означало полного устранения их культурного и социального воздействия. Они продолжали функционировать на уровне культуры и общественных практик, несмотря на официальную ликвидацию. Несмотря на успехи в области юридической и институциональной секуляризации, в турецком обществе продолжали сохраняться элементы религиозного контроля, что требовало дальнейшего осмысления и разработки стратегий интеграции религиозных и политических сфер в рамках нового государственного порядка.

Ключевые слова: узбекские текке, Османская империя, культура, суфизм, дервиши, ислам, шейх

Для цитирования: Тургунбаев И. Е., Сайлан Б. С., Тургунбаев Е. М. Декомпозиция религиозных институтов в контексте секуляризации Турецкой Республики: анализ закрытия текке как ключевого элемента государственной трансформации // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 1. С. 59–70. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-59-70

Secularization in the Republic of Turkey and Decomposition of Religious Institutions: How Closures of Tekkes Served a Key State Transformation Element

Izbassar Ye. Turgunbayev¹, Bolat S. Sailan², Yerlan M. Turgunbayev³

¹ Al-Farabi Kazakh National university (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan) MA, Senior Lecturer

 0000-0002-1997-7829. E-mail: izbasar136[at]mail.ru

² Al-Farabi Kazakh National university (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan) Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0003-4432-4616. E-mail: b_sailan1967[at]mail.ru

³ Al-Farabi Kazakh National university (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan) Cand. Sc. (History), Senior Lecturer

 0009-0000-1448-6273. E-mail: turgunbaev_63[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Turgunbayev I. Ye., Sailan B. S., Turgunbayev Ye. M., 2025

Abstract. Introduction. Having been important religious institutions in the Ottoman Empire, *tekkes (takya)* posed an obstacle to Mustafa Kemal Atatürk's modernization of the religious sphere since the nineteenth century. Istanbul used to host over 600 tekkes, which was thrice the number of madrasas. Once established for dervishes and pilgrims, tekkes would become centers of political and social life, especially those of Sultantepe, Bülbüldere, Sultanahmet and Eyüp that received support from the Ottoman authorities. They also played an important role in other regions serving the needs of Turkic Muslim pilgrims from Central Asia. **Goals.** The article seeks to investigate the role of tekkes in the context of Mustafa Kemal Atatürk's spiritual modernization policy, and identify the impact of reforms on religious and cultural practices in the country. **Materials and methods.** The study focuses on Turkish-, Russian- and English language sources and scholarly papers dealing with the Ottoman imperial policy towards tekkes. Special attention is paid to works by M. Özdamar, M. Kara, and that of R. Nicholson examining the spread of Sufism. The interdisciplinary approach proves central herein and includes tools of sociological and comparative analyses, with due regard of the conceptual framework of secularization and cultural transformation. **Results.** The 1925 closures of tekkes proved a major aspect in the transition towards a secular state system, and they would undertake drastic measures aimed at neutralizing religious impacts that could ever put the new order's stability in question. The former were integral to widest efforts invested to dismantle the traditional religious institutions that remained essential both for spiritual and political spheres of the empire. However, those never eradicated the cultural and social influence of tekkes that kept functioning as part of

cultural and social practices. Despite the success in legal and institutional secularization arrangements, Turkey's society was characterized by persistent elements of religious control, which required further understanding and elaborating certain strategies to integrate religious and political realms within the newly shaped state order.

Keywords: Uzbek tekkes, Ottoman Empire, culture, Sufism, dervishes, Islam, sheikh

For citation: Turgunbayev I. Ye., Sailan B. S., Turgunbayev Ye. M. Secularization in the Republic of Turkey and Decomposition of Religious Institutions: How Closures of Tekkes Served a Key State Transformation Element. *Oriental Studies*. 2025; 18(1): 59–70. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-59-70

1. Введение

Текке, как важные религиозные институты Османской империи, играли ключевую роль в религиозно-политической жизни тюркских народов, выполняя духовные и социальные функции. Они способствовали укреплению культурных, политических и межрегиональных связей между сообществами Османской и Российской империй. В турецкой историографии влияние текке на развитие Центральной Азии освещено частично, тогда как в отечественной науке эта тема остается слабоизученной. Углубленный анализ вклада текке в историко-культурные процессы Центральной Азии и Османской империи актуален для понимания интеграции региона.

В период становления Турецкой Республики реформы М. К. Ататюрка в сфере образования и религии привели к систематической ликвидации суфийских орденов и текке, радикально трансформировав их институциональное значение. Изначально функционируя как убежища для дервишей и паломников из Центральной Азии, текке эволюционировали в центры суфийской метафизики, интегрируя эзотерические практики с культурно-религиозной составляющей. В связи с полиэтнической структурой Османской империи они выполняли функции этноконфессиональной мобилизации, способствуя укреплению коллективной идентичности и легитимации социальных властных структур. Текке становились узловыми элементами трансрегиональных взаимодействий, формируя динамичные социокультурные и политико-религиозные пространства [Kara 1990: 18].

Стамбул, известный как «Дарюссаадет» и «Астана», олицетворял сакральный

и административный центр Османской империи, объединяя политические и религиозные пространства. Наименования «Астане-и Саадет» и «Астане-и Алиейе» акцентируют статус города как сакрального центра, в котором происходили зикры. Здесь не только духовно обогащались, но и создавались условия для удовлетворения потребностей паломников [Alper 1995: 38–43]. Как важный культурный элемент исламской цивилизации текке синтезировали и усиливали духовный статус города. Так, в Стамбуле функционировало пять узбекских текке, три из которых расположены в Эюпе, Ускюдаре и на склоне Шехит Мехмет Паша в районе Бинбирдирек Султанахмета, стали центрами духовной жизни и культурной консолидации тюркских сообществ [Tanman 1994: 9–11].

В Османской империи правительство активно поддерживало развитие текке. Это выражалось как в финансировании их строительства, так и в обеспечении их содержания за счет выделения специальных средств, что укрепляло легитимность власти, интегрируя религиозные и социальные функции в административную систему. Однако с началом реформ М. К. Ататюрка в период становления Турецкой Республики текке стали рассматриваться как препятствие на пути модернизации. В 1925 г. их деятельность была официально прекращена, а управление религиозными учреждениями передано Департаменту по делам религий. Эта мера отражала стремление новых властей к секуляризации и централизации религиозной сферы, чтобы устранить автономные центры влияния и усилить контроль государства над духовной жизнью общества [Smith 1980: 17].

Статья посвящена переосмыслению роли текке в социально-политической структуре Османской империи и их трансформации в условиях становления Турецкой Республики. Основной акцент делается на анализе влияния текке как религиозных институтов, которые не только способствовали консолидации духовной и культурной жизни, но и играли важную роль в формировании межгосударственных связей и укреплении политической стабильности империи. Особое внимание уделяется трансформации текке в контексте реформ М. К. Ататюрка, направленных на секуляризацию и модернизацию государства, что повлекло за собой ликвидацию автономии суфийских орденов и их интеграцию в государственную систему через Департамент по делам религий.

2. Материалы и методы исследования

Исследование текке в Османской империи основано на работах турецких, российских и западных ученых. Труды турецких исследователей, таких как Мехмет Кара и Мехмет Оздамар, пролили свет на интеграцию узбекских текке с Османской империей. Мехмет Кара отмечал, что эти учреждения служили не только местами духовного наставничества, но и инструментами политического контроля, в частности в отношении паломников и дервишей, прибывавших из Центральной Азии [Kara 2005: 29]. В свою очередь Мехмет Оздамар подчеркивал связь текке с накшбандийским орденом, который стал ключевым в духовной жизни Османской империи [Özdamar 2007: 312].

Исследование опирается на междисциплинарный подход, включая методы историко-социологического и сравнительного анализа, а также концепции теории секуляризации и культурной трансформации. Это позволяет проследить эволюцию религиозных институтов от инструментов социальной и духовной интеграции в Османской империи до объектов государственной политики в условиях модернизирующейся Турции, реконструировать генезис и эволюцию текке в контексте религиозных, социальных и политических изменений. Методология исследования также включает контекстуальный анализ и историко-социологический метод.

3. Текке в дореформенный период

Становление текке в Османской империи представляет собой сложный процесс, обусловленный духовными и социально-политическими факторами. С конца XV в., когда османская империя укрепила свои позиции на Ближнем Востоке, текке стали играть ключевую роль в распространении суфийских учений и духовной практики. Суфийские ордена, включая Накшбандийский, Мевлевийский и другие, обосновались в крупных городах империи, таких как Стамбул, Бурса и Эдирне, где активно развивались центры суфийской деятельности. Так, успешно сочетались духовное наставничество и образовательные практики, конкурируя с более традиционными учебными заведениями, такими как медресе [Knysh 2017: 141].

С момента активной государственной поддержки суфизма в XVI в. текке стали местами, где не только передавались религиозные знания, но и происходил обмен культурными, философскими и теологическими идеями. Поддержка султанов, например Сулеймана Великолепного, укрепила статус текке как духовных и культурных центров, что подтверждается различными исследованиями [Nicholson 1906: 333–348]. С точки зрения социальной и политической функции, текке становились важными оплотами османской идеологии, распространявшей моральные и религиозные нормы среди широких слоев населения [Дроздов 1995: 12].

Среди наиболее известных текке того периода выделяются такие учреждения, как текке Ибрахима Гюльшени, Шейха Вефа, Хаджыбекташа, Мевланы и Эрдебиля [Özdamar 2007: 312]. Эти текке могли быть частными, официальными или полуправовыми, при этом их духовные лидеры, шейхи, назначались и находились под контролем османской администрации [Özdamar 2007: 312]. После окончательного институционалирования текке стали исполнять широкий спектр социальных функций. В первую очередь они осуществляли преподавание религиозных и научных дисциплин, являясь центрами исламской науки и духовного образования, где обучали теоретическим аспектам религии и практи-

ческим навыкам повседневной жизни. Эти учреждения активно занимались оказанием материальной помощи социально уязвимым слоям населения, предоставляя финансовую и продовольственную поддержку, а также поддержку в случае природных катастроф или эпидемий [Ocak 2010: 85]. Важной функцией текке было медицинское обслуживание, что связано с применением исламо-сирийской медицины, с акцентом на использование травяных препаратов и практик психоэмоциональной терапии, основанных на суфийских методах [Ocak 2010: 85]. Они служили местами культурного обмена, организуя спортивные и общественные мероприятия, которые способствовали интеграции различных слоев населения, а также предоставляли приют для странников, поддерживали традицию хосписов, что связано с исламскими представлениями о гостеприимстве и социальной ответственности [Ocak 2010: 85].

Текке, будучи ключевыми институциональными узлами в исламской образовательной и духовной инфраструктуре, выступали ареной активного обсуждения религиозно-теологических вопросов, включая разрешение экзегетических и догматических противоречий, что обеспечивалось усилиями высококвалифицированных улемов. Со временем данные центры утвердились как центры авторитетного религиозного знания, оказывая влияние на формирование образовательной политики, в рамках которой текке становились предпочтительными местами обучения как для локальной, так и для трансрегиональной аудитории. Наряду с религиозными дисциплинами, такими как фикх, текке предоставляли доступ к междисциплинарному образованию, охватывающему естественные науки, включая химию и астрономию, а также искусства, такие как музыка, что способствовало интеграции сакрального и светского знания [Kara 2005: 30]. Отличительной чертой образовательной парадигмы текке являлась менторская система, основанная на персонализированном выборе учениками своих наставников, что способствовало формированию глубоких дидактических связей и выходу образовательного процесса за рамки

формалистского религиозного инструктажа, превращая его в комплексное формирование индивидуальной и интеллектуальной идентичности в контексте суфийской традиции [Kara 2005: 30].

Образовательная система текке характеризовалась высокой степенью вариативности и индивидуализированным подходом, исключавшими жесткие временные и возрастные ограничения, что позволяло интегрировать в процесс обучения представителей различных возрастных групп, от детей до взрослых, независимо от их начального уровня подготовки [Uçman 1985: 16]. Продолжительность образовательного цикла определялась исключительно когнитивными способностями ученика, а сам процесс структурировался в виде иерархически упорядоченных ступеней, последовательное освоение которых являлось необходимым условием образовательного прогресса [Uçman 1985: 16]. Педагогическая модель предусматривала два основных формата: групповую форму, ориентированную на трансляцию универсальных религиозных знаний, и индивидуальные занятия, нацеленные на коррекцию специфических пробелов и развитие персональных компетенций ученика. Образовательный процесс органично сочетался с активным включением студентов в функционирование текке, включая участие в зикрах, ночных духовно-интеллектуальных беседах и материальной поддержке института. Инфраструктура текке была полностью адаптирована для проживания и учебы, включая жилые помещения, кухни, залы для омовений и коллективных собраний. Академическая деятельность велась преимущественно на персидском, арабском и турецком языках, что формировало транснациональное интеллектуальное пространство, обеспечивая интеграцию религиозного и светского знания в многоязычной культурной среде [Kara 2008: 122].

Образовательный процесс в текке основывался на принципе непрерывности, при котором завершение формального этапа обучения не прерывало связи ученика с институциональной и духовной средой. Даже после получения уведомления об окончании образовательного цикла ученики продолжа-

ли активно участвовать в жизни текке, регулярно посещая ночные дискуссии и зикры, которые функционировали как платформы для постоянного интеллектуального, духовного и социального развития. Этот подход отражал фундаментальный принцип суфийской традиции, акцентирующий необходимость непрерывного самосовершенствования, охватывающего как религиозно-теологические, так и художественно-культурные сферы. Особое внимание в текке уделялось музыке и поэзии, которые выступали не только в качестве средств эстетического выражения, но и как инструменты эмоционально-сенсорной аккультурации в суфийские практики. Рецитация зикров в сопровождении музыкальных и поэтических композиций формировала синкретическое переживание, способствующее углубленному внутреннему преобразованию и интеграции индивида в сакральный дискурс суфизма, что отражает ключевые принципы эстетико-духовного синтеза, присущие данной традиции [Demirci 2007: 110].

4. Реформы М. К. Ататюрка

М. К. Ататюрк стремился создать современное государство, интегрируя принципы науки, образования и свободной мысли, что отражает его желание внедрить в общество ценности цивилизации и прогресса. Он утверждал, что нация, не способная создавать «цивилизованные произведения», обречена на поражение, что подчеркивает связь между культурным развитием и национальной независимостью. Призыв к движению вперед, а не к сохранению старых форм демонстрирует критику консерватизма и застойных элементов, поддерживая концепцию прогресса как основного условия выживания и успеха в глобальной цивилизации. Закрытие суфийских орденов, включая текке, в XX в. было обусловлено противоречием их традиционных религиозных структур идеям модернизации и секуляризации, предложенным М. К. Ататюрком в Турции и советским режимом в Центральной Азии. Ататюрк, стремясь построить светское государство, рассматривал текке как препятствие на пути научного прогресса

и рационализма, что повлекло за собой их ликвидацию [Eroglu 1982: 323].

3 марта 1924 г. в рамках реформ в Турецкой Республике, направленных на секуляризацию и централизованное управление религиозными учреждениями, был принят закон № 429, который упразднил Шариатский и Вакуфный департамент, передав функции контроля за текке ново-созданному Управлению по делам религии [Güvenç 1998: 51–52]. Этот шаг отражал стремление турецкого государства к консолидации религиозных институтов в рамках светского порядка. Однако в ходе судебных разбирательств по восстанию Шейха Саита в 1925 г. было установлено, что текке играли ключевую роль как политические и идеологические центры, что подтверждает их важность не только как духовных, но и как социальных и политических институций в контексте периода пост-Османской трансформации. Это обстоятельство подчеркивает их потенциальное влияние на формирование антигосударственных настроений и их участие в конструировании политической культуры того времени.

18 июня 1925 г. Восточный независимый суд (Doğu İstiklal Mahkemesi) принял решение о ликвидации текке и других религиозных организаций, расположенных в районах восстания. Позднее, 30 ноября 1925 г., был принят закон № 677 «О закрытии текке, а также запрете использования ряда титулов». Согласно этому нормативному акту, закрытию подлежали все суфийские ордена и мавзолеи, за исключением мечетей [Smith 1980: 131]. В рамках данного закона было установлено, что использование титулов, таких как шейх, дервиш, мурид, сеид, челеби, эмир, накып, халиф и других, незаконно и подлежит запрету. Этот закон вступил в силу 13 декабря 1925 г. В соответствии с его положениями, лица, которые открывали закрытые текке проводили религиозные обряды или давали разрешения на их проведение, подвергались уголовной ответственности, включая тюремное заключение сроком не менее трех месяцев и штраф. В соответствии с распоряжением Кабинета министров от 2 сентября 1925 г. было закрыто 773 текке,

которые были переданы Министерству образования с целью преобразования в образовательные учреждения [Kara 1999: 269].

М. К. Ататюрк, стремясь к построению современного, прогрессивного и независимого государства, поднимал вопрос реформирования общественного сознания через радикальные изменения в политической и культурной сферах. Его инициатива по закрытию суфийских орденов, таких как текке (в том числе и узбекских текке), была не просто административным шагом, но стратегическим решением, направленным на устранение религиозных структур, которые, по его мнению, препятствовали развитию рационального мышления и прогресса [Trimingham 1998: 360].

В своем выступлении в Кастамону 30 августа 1925 г. М. К. Ататюрк аргументировал необходимость цивилизационных изменений, указывая на то, что отставание Турции от Запада было следствием недостаточной адаптации к требованиям модернизации [Olcaytu 1998: 65]. Он утверждал, что только глубокие преобразования в коллективном сознании и радикальные изменения в социальной и культурной жизни могли бы способствовать социальному и экономическому прогрессу страны. Акцент на изменении мировоззрения и переход от религиозного к светскому обществу стали основой для модернизации не только политических институтов, но и культурной идентичности турецкого народа. М. К. Ататюрк четко обозначил цель реформ, проводимых в Турецкой Республике. Он подчеркнул, что главной задачей является превращение населения Турции в современное и цивилизованное общество во всех аспектах. М. К. Ататюрк указал на необходимость радикального изменения менталитета, подчеркнув, что существующие суеверия и архаичные идеи, укоренившиеся в сознании народа, должны быть ликвидированы. Его речь четко выразила противостояние традиционным представлениям, связанным с религиозными практиками, такими как просьбы о помощи у мертвых и обращение к гробницам, что он расценил как позор для цивилизованного общества. В дальнейшем он сформулировал концепцию «цивилизационного ордена»,

утверждая, что истинным орденом является тот, который соответствует требованиям современной цивилизации и отражает ее принципы. М. К. Ататюрк выразил решимость не допускать существования в Турции религиозных течений, которые бы пытались подменить научные достижения и цивилизационные принципы религиозной догмой, отвергая прогресс. Этими заявлениями М. К. Ататюрк ясно обозначил направление, в котором должна двигаться Турецкая Республика, что подчеркивает решительную приверженность идеям модернизации и секуляризации общества [Eroğlu 1982: 323].

Несмотря на усилия М. К. Ататюрка, направленные на секуляризацию и институциональную маргинализацию суфийских орденов, определенные текке продолжали свою деятельность, что связано с комплексом социально-политических и культурных факторов. Во-первых, члены этих орденов обладали значительным уровнем образования, включая знания нескольких иностранных языков, что позволяло им эффективно участвовать в дипломатических и международных переговорах. Их способность работать в межгосударственном контексте была высоко оценена новой турецкой элитой, особенно в свете необходимости укрепления внешнеэкономических и политических связей молодой республики. Во-вторых, суфийские ордены, особенно в периоды, когда были актуальны вопросы культурной и религиозной дипломатии, выполняли функции связующих звеньев между Турцией и другими регионами, где сохранялась значительная мусульманская аудитория. Это обстоятельство позволило сохранить их значимость, несмотря на официальную политику, направленную на ликвидацию автономии религиозных институций. В этом контексте политика М. К. Ататюрка представляет собой пример прагматичной и выборочной секуляризации, ориентированной на исключение политического влияния суфийских орденов, при этом допускающей их участие в международных делах, что способствовало укреплению дипломатических позиций Турецкой Республики в условиях модернизации и глобализации.

5. Закрытие текке как элемент секуляризации

Введение закона 1925 г. привело к закрытию текке Ушшаки, однако текке Кадирихане продолжило свою деятельность, что ставит под вопрос о равномерности его применения и подчеркивает важность человеческого фактора в исторических процессах. Подобно примеру Карагюмрюкского текке Джеррахи в Стамбуле, судьба текке Кадирихане была во многом предопределена личностью его шейха Гавси-эфенди. По описанию исследователей, Гавси-эфенди, родившийся в 1893 г., сочетал традиционное османское образование с углубленным изучением западных дисциплин. Окончив школу, Топчу Исмаил Ага, и Французскую школу султанского типа в Бейоглу, он получил дипломы Высшей школы финансов и юридического факультета Дарюльфонун. Его лингвистические способности, включавшие владение турецким, французским и греческим языками, а также обширные знания в области музыки и культуры свидетельствовали о его синкретическом подходе к духовному лидерству. Как представитель западной и османской традиций, Гавси-эфенди воплощал идею культурного моста, что, вероятно, сыграло ключевую роль в сохранении текке Кадирихане, ставшего исключением на фоне всеобщего закрытия. Это подчеркивает значимость персоналий в сохранении институциональной и культурной преемственности даже в условиях законодательных преобразований [Lifchez, Çelik 1981: 87–108].

Таким образом, Гавси-эфенди, обладавший исключительными интеллектуальными и культурными компетенциями, включая владение иностранными языками, высшее образование и глубокое понимание западной культуры, оказался ключевой фигурой в сохранении статуса текке Кадирихане в условиях политических и социальных потрясений. В период оккупации Стамбула, когда многие текке были закрыты, его способность к дипломатическим переговорам, проявившаяся в беседе на французском языке с прибывшими солдатами, сыграла решающую роль в предотвращении закрытия текке. Как выпускник юридического

факультета и фигура, тесно связанная с политической и военной элитой, он эффективно использовал свои социальные связи для сохранения института, что особенно проявилось в поддержке со стороны высокопоставленных лиц, включая супругу Исмета Инёню, Мевхибе Инёню, которая активно посещала текке. Этот пример подчеркивает значимость индивидуальных характеристик и социальных ресурсов лидеров суфийских братств в условиях трансформации государственного устройства, когда институциональные рамки суфийских практик подвергались значительным ограничениям.

В период, когда тарикаты подверглись усиленному общественному обсуждению, был подготовлен цикл репортажей под названием «Тарикаты Турции». Участие Мисбаха-эфенди в данной программе, в которой он выступал с титулом «шейх Кадирийского дергаха», представило значимый пример того, как лидеры тарикатов реагировали на усиливающееся давление со стороны общества и государства [Cüre 2022]. Его заявление, подчеркивающее этический кодекс и социальные принципы шейхов, стало попыткой не только защитить репутацию тарикатов, но и продемонстрировать их аполитичность и моральную чистоту. Однако это также свидетельствует о необходимости более глубокого анализа взаимодействия традиционных религиозных институтов с модернизирующимся обществом, где подобные выступления могли интерпретироваться как форма сопротивления или адаптации к новым социально-политическим реалиям.

В период Республики шейхом Ушшакского текке в Касымпаше был Мустафа Сафи Эфенди, чье духовное руководство и административное управление сыграли ключевую роль в адаптации тарикатской практики к изменяющимся социально-политическим условиям. Среди его халифов выделялся Хюсейн Вассаф Эфенди, известный своим трудом «Сефине-и Эвлия», представляющим собой обширное исследование жизнеописаний представителей различных тарикатов [Çinar 2008: 390]. За несколько месяцев до закрытия текке именно Хюсейн Вассаф Эфенди стал его шейхом, что, веро-

ятно, укрепило позиции Ушшакского братства в непростое время государственной модернизации.

После официального закрытия текке в 1925 г. его последователи некоторое время продолжали свою деятельность в частных домах, однако из-за усиленного контроля со стороны властей эта практика не смогла сохраниться в Стамбуле. Интересно, что Хюсейн Вассаф Эфенди перераспределил своих дервишей между другими шейхами, что можно рассматривать как стратегический шаг по сохранению преемственности духовных традиций. На момент закрытия Ушшакского текке в его собственности находилось более 140 объектов недвижимости, которые впоследствии были отчуждены. Кроме того, зафиксированы случаи вывоза из текке ценных предметов, что свидетельствует о значительной утрате материального и духовного наследия братства [Eroglu 1982: 323].

После принятия Закона 1925 г., который предусматривал закрытие религиозных учреждений, процесс сохранения текке стал практически невозможным, что привело к постепенному разрушению здания. В условиях изменений социально-демографической структуры региона и изменения общественного сознания в рамках Республики, здание текке, за исключением усыпальницы, пришло в упадок. В конечном итоге здание было снесено, а на его месте возведено образовательное учреждение. Закрытие текке оказало значительное влияние на степень влияния Ушшакского ордена в Стамбуле, в результате чего в городе были ликвидированы все Ушшакские текке, в то время как некоторые группы в центральной и восточной частях Анатолии смогли продолжить свою деятельность. Этот период прерывания духовной практики и организационного разрыва в традициях ордена получил у последователей название «Период Инкыта» [Eken et al. 1996: 247].

Реформы М. К. Ататюрка, или кемализм, представляли собой масштабный комплекс преобразований, направленных на модернизацию турецкого общества и выведение его на уровень современной цивилизации. Реформы охватывали важнейшие области, такие как политика, экономика, общество и

культура, и включали принципы республиканизма, национализма, народовластия, этатизма, секуляризма и революционности, которые стали основой учения М. К. Ататюрка. Важнейшей частью этих преобразований стало изменение религиозных и культурных институтов, среди которых особую роль сыграли реформы в сфере образования, а также преобразования, затронувшие суфийские ордены и текке.

С первых шагов своего правления М. К. Ататюрк сделал акцент на реформе образования, считая его основой для формирования современного общества. Принятие Закона об объединении образования в 1924 г., в котором была ликвидирована религиозная школа и создана светская система образования, стало значимой вехой в процессе секуляризации общества. Влияние этих реформ на текке было ощутимым, поскольку многие суфийские ордены, такие как Ушшакский и Кадирийский, были закрыты [Kara 1999: 269]. Эти учреждения, играющие важную роль в религиозной жизни и духовном воспитании, оказались под угрозой уничтожения в рамках политики секуляризации, что обусловило сокращение религиозного влияния на формирование общественного сознания.

После закрытия текке бывшие члены орденов, соответствующие установленным требованиям, были допущены к религиозной службе и обеспечены государственным жалованьем, что вызвало значительные социальные и культурные напряжения. Эти процессы получили критическую оценку Садри Эртема в его статье «Преступная культура», в которой он подчеркивает, что, несмотря на формальное закрытие текке, их культурное наследие продолжало влиять на общественные процессы [Dokuyan 2021: 229]. Садри Эртем утверждает, что «текке были ликвидированы, но их остаточные влияния, подобно метастазам, продолжили воздействовать на общество», поднимая вопрос о недостаточной культурной трансформации в Турции. Он акцентирует внимание на необходимости противопоставления одной культуре другой в контексте национальной модернизации, что, по его мнению, не было должным образом

реализовано в Турции. С закрытием текке их шейхи переместились в мечети, став штатными проповедниками, и продолжили собирать своих учеников в религиозных учреждениях. Эти процессы, по мнению Садри Эртема, способствовали политизации религии и использованию религиозных структур в политических целях, что угрожало светскому порядку, закреплению в новых государственных институтах.

6. Заключение

Исследование роли суфийских орденов и их институциональных структур в контексте Османской империи и ранней Турецкой Республики выявляет глубокие социально-политические и культурные трансформации, происходившие в условиях секуляризации и модернизации. Закрытие текке в 1925 г. стало ключевым моментом в переходе к светскому государственному устройству, предписывая радикальные меры по нейтрализации религиозных влияний, которые могли угрожать стабильности нового порядка. Этот шаг был частью более широких усилий по демонтажу традиционных религиозных институтов, которые оставались значимыми как для духовной, так и для политической сферы империи. Однако, несмотря на формальное выполнение реформационных мероприятий, процесс секуляризации оказался значительно более сложным, чем предполагалось в официальной политике.

Закрытие текке не означало полного устранения их культурного и социального воздействия. Напротив, эти институты продолжали функционировать на уровне культуры и общественных практик, несмотря на официальную ликвидацию. Садри Эртем использует метафору «метастаз», чтобы

указать на продолжение влияния суфийских орденов, которое стало неотъемлемой частью социокультурного ландшафта Турции. В этом контексте возникает важный вопрос о том, насколько эффективно власти смогли устранить не только внешние, но и внутренние механизмы религиозного влияния, что ставит под сомнение полноту проводимой секуляризации и ее соответствие целям государственного строительства. Это также отражает противоречие между светским устройством, которое стремится отделить религию от политики, и практиками, где религиозная власть продолжала существовать, но уже в новых формах.

Параллельно с этим возникали предложения более радикальных мер, таких как выдворение членов суфийских орденов за пределы страны, что отражало противоречия между прогрессивной интеллектуальной элитой, стремящейся к созданию светского государства, и устоявшимися религиозными структурами. Эти меры свидетельствуют о глубокой обеспокоенности властей относительно возможной политической активности религиозных деятелей и их влияния на общественные процессы. В результате, несмотря на успехи в области юридической и институциональной секуляризации, в турецком обществе продолжали сохраняться элементы религиозного контроля, что требовало дальнейшего осмысления и разработки стратегий интеграции религиозных и политических сфер в рамках нового государственного порядка. Это подтверждает необходимость более глубокого комплексного подхода к изучению секуляризации, в котором учитываются не только юридические реформы, но и культурные и социальные трансформации, происходившие в обществе.

Литература

- Дроздов 1995 — *Дроздов В. А.* Исламский мистицизм и его влияние на население СНГ. СПб.: СПбГУ, 1995. 77 с.
- Alper 1995 — *Alper M.* Buhara Özbekler Tekkesi (= Узбекские Бухарские текке). *Arkitekt.* 1995. S. 38–43.

References

- Drozдов V. A. *Islamic Mysticism and Its Influence on CIS Nations.* St. Petersburg: St. Petersburg University, 1995. 77 p. (In Russ.)
- Alper M. *Özbek lodges of Bukhara.* *Arkitekt.* 1995. No. 3. Pp. 38–43. (In Turk.)

- Çinar 2008 — *Çinar F.* Hüseyin Vassaf Bey'in, "Sefine-i Evliya" Adli Eserinde İsmi Geçen, Sivas'ta İkamet Eden Ve Sivaslı Olan Sufiler (= Суфии, проживающие в Сивасе и являющиеся сивасцами, упомянутые в произведении Хусейна Вассафа-бея «Сефине-и Эвлия») // *C. Ü. İlahiyat Fakültesi Dergisi.* 2008, C. 12. S. 387–406.
- Çinar F. Sufis native to and residing in Sivas mentioned by Hüseyin Vassaf Bey in his *Sefine-i Evliya.* *C. Ü. İlahiyat Fakültesi Dergisi.* 2008. No. 12. P. 387–406. (In Turk.)
- Cüre 2022 — *Cüre İ.* Kadirihane Tekkesi nasıl kül oldu? (= Как текке «Кадирхане» превратилось в пепел?) 2022 // *Nefir.* URL: <https://www.nefirdergi.com/article/kadirihane-tekkesi-nasil-kul-odu---iskender-cure/> (дата обращения: 10.01.2025).
- Cüre İ. How did Kadirihane lodge burn? On: *Nefir.* 2022. Available at: <https://www.nefirdergi.com/article/kadirihane-tekkesi-nasil-kul-odu---iskender-cure/> (accessed: 10 January 2025). (In Turk.)
- Demirci 2007 — *Demirci M.* Bir Eğitim Aracı Olarak Mevlevi Çilesi (= Испытание Мевлеви как средство обучения) // *Marife.* 2007. S. 105–122.
- Demirci M. Mevlevi ordeal as an educational tool. *Marife.* 2007. No. 3. Pp. 105–122. (In Turk.)
- Dokuyan 2021 — *Dokuyan S.* Tekkelerin Kapatılması Ve Tasfiye Süreci (1925–1938) (= Процесс закрытия и ликвидации текке) // *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi.* 2021. S. 217–244.
- Dokuyan S. The process of closing and elimination of lodges (1925–1938). *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi.* 2021. No. 98. Pp. 217–244. (In Turk.)
- Eken et al. 1996 — *Eken H., Ünlü H., Arslanhan İ., Bahadır Ö.* Atatürk İlkeleri ve İnkılap Tarihi (= Принципы Атаатюрка и история революции). İstanbul: Marmara Yayınları, 1996. 413 s.
- Eken H., Ünlü H., Arslanhan İ., Bahadır Ö. Atatürk's Principles and Revolutionary History. İstanbul: Marmara Press, 1996. 413 p. (In Turk.)
- Eroğlu 1982 — *Eroğlu H.* Türk İnkılap Tarihi (= История турецкой революции). İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1982. 323 s.
- Eroğlu H. History of the Turkish Revolution. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1982. 323 p. (In Turk.)
- Güvenç 1998 — *Güvenç B.* History of Turkish Education // *Special Issue Education and Science.* 1998. Vol. 22. № 108. Pp. 51–52.
- Güvenç B. History of Turkish education. *Education and Science.* 1998. Vol. 22. No. 108. Pp. 51–52. (In Eng.)
- Kara 1990 — *Kara M.* Din-Hayat-Sanat Açısından Tekkeler ve Zaviyeler (= Текке и монастыри с точки зрения религии-жизни-искусства). İstanbul: Dergâh Yayınları, 1990. 216 s.
- Kara M. Dervish Lodges and Convents: Religion, Life, Arts. İstanbul: Dergâh Press, 1990. 216 p. (In Turk.)
- Kara 1999 — *Kara M.* Tekkeler ve Zaviyeler (= Текке и Завий), İstanbul, 1999. 269 s.
- Kara M. Dervish Lodges and Convents. İstanbul, 1999. 269 p. (In Turk.)
- Kara 2005 — *Kara M.* Türk Tasavvuf Tarihi Araştırmaları (= Исследование истории турецкого суфизма). İstanbul: Dergâh Yayınları, 2005. 615 s.
- Kara M. Turkish Sufism: A Historical Survey. İstanbul: Dergâh Press, 2005. 615 p. (In Turk.)
- Kara 2008 — *Kara M.* Tekke Eğitimi ve Literatürü (= Образование и литература текке) // *Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi.* 2008. № 12. S. 107–138.
- Kara M. [Sufi] lodges: Education and literature. *Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi.* 2008. No. 6. Pp. 107–138. (In Turk.)
- Knysh 2017 — *Knysh A.* Sufism: A New History of Islamic Mysticism. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 2017. 408 p.
- Knysh A. Sufism: A New History of Islamic Mysticism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017. 408 p. (In Eng.)
- Lifchez, Çelik 1981 — *Lifchez R., Çelik Z.* The Dervish Tekkes of İstanbul: A Survey in Progress // *Essays in Islamic Art and Architecture.* Malibu, 1981. Pp. 87–108.
- Lifchez R., Çelik Z. The dervish tekkes of İstanbul: A survey in progress. In: *Essays in Islamic Art and Architecture.* Malibu, 1981. 87–108 p. (In Eng.)

- Nicholson 1906 — *Nicholson R. A.* A Historical Enquiry Concerning the Origin and Development of Sufism // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1906. April. Pp. 333–348.
- Nicholson R.A. A historical enquiry concerning the origin and development of Sufism. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1906, April. Pp. 333–348. (In Eng.)
- Ocak 2010 — Ocak A. Y. Osmanlı Sufiliğine Bakışlar (= Взгляды на османский суфизм). İstanbul: Timaş Yayınları, 2010. 85 s.
- Ocak A.Y. Perspectives on Ottoman Sufism. İstanbul: Timaş Press, 2010. 85 p. (In Turk.)
- Olcaytu 1998 — *Olcaytu T.* Dinimiz Neyi Emrediyor, Atatürk Ne Yaptı? Devrimimiz İlkelerimiz (= Что предписывает наша религия? Что сделал Ататюрк? Наша революция, Наши принципы). Ankara: Ajans – Türk Basın ve Basım, 1998. 65 s.
- Olcaytu T. Prescriptions of Religion and Deeds of Ataturk: Our Revolution, Our Principles. Ankara: Türk Basın ve Basım, 1998. 65 p. (In Turk.)
- Özdamar 2007 — *Özdamar M.* Dersaadet Dergâhları (= Ложь Дерсаадета). İstanbul: Kırk Kandil Yayınları, 2007. 312 s.
- Özdamar M. Dersaadet Lodges. İstanbul: Kırk Kandil Press, 2007. 312 p. (In Turk.)
- Smith 1980 — *Smith G. M.* The Özbek Tekkes of İstanbul (= Узбекские текке Стамбула). *Der Islam*. 1980. Vol. 57. № 1. Pp. 17–131.
- Smith G.M. The Özbek tekkes of İstanbul. *Der Islam*. 1980. Vol. 57. No. 1. Pp. 17–131. (In Eng.)
- Tanman 1994 — *Tanman B.* Özbekler Tekkesi. Dünden Bugüne İstanbul Ansiklopedisi (= Узбекский текке. Стамбульская энциклопедия от прошлого к настоящему). C. VI. İstanbul: Tarih Vakfı, Kültür Bakanlığı, 1994. 200 s.
- Tanman B. Özbek Tekkes (The Encyclopedia of İstanbul: From Past to Present 6). İstanbul, 1994. 200 p. (In Turk.)
- Trimingham 1998 — *Trimingham J. S.* The Sufi Orders in Islam. Oxford: Oxford University Press, 1998. 360 p.
- Trimingham J. S. The Sufi Orders in Islam. Oxford: Oxford University Press, 1998. 360 p. (In Eng.)
- Uçman 1985 — *Uçman A.* Tekke Şiiri, Başlangıcından Günümüze Kadar Büyük Türk Klasikleri (= Поэзия текке, Великая турецкая классика от истоков до наших дней). İstanbul: Ötüken Yayınları, 1985. 16 s.
- Uçman A. Poetry of Sufi Lodges: Great Turkish Classics from Earliest to Present Days. İstanbul: Ötüken Press, 1985. 16 p. (In Turk.)

